

Studia Culturae: Вып. 4 (34): Особенности глобализационной эпохи: Л.Ю. Яковлева. С.197-206.

Л.Ю. ЯКОВЛЕВА

*кандидат философских наук
доцент кафедры философии культуры и культурологии
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов*

МЕДИАЛЬНОСТЬ КАРТОГРАФИИ

В статье рассматривается проблема медиа и медиальности на примере современных карт и навигации. На основе герменевтического метода и медиафилософского подхода топологической рефлексии карта определяется в качестве медиа, опосредующего пространственный опыт человека. Карты не всегда были столь значимым средством конституирования пространства, как в XX веке, поэтому необходимо учитывать отличие карт как обычного средства от карт как медиа топологии. В статье проводится различие между медиа как средством и как условием возможности опыта. Поскольку современные цифровые карты неустранимы из ориентации в пространстве, в них раскрывается медиальность новых медиа, определяющих наши смыслы и возможности. Тем не менее медиальность неотделима от самих практик обращения с конкретными медиа. Различные художественные практики, таким образом, открывают новые возможности цифровых карт и выявляющие их символическое измерение.

Ключевые слова: медиа, медиальность, карты, топология, символическое, функциональность, репрезентация, арт-картография.

L.I. IAKOVLEVA

*PhD of Philosophy, Associate Professor
St. Petersburg Humanitarian University of TradeUnions*

MEDIALITY OF CARTOGRAPHY

The article examines the problem of media and mediality by the example of modern maps and navigation. On the basis of hermeneutic method and mediaphilosophical approach of topological reflection the map is seen as media, which mediates our spatial experience. The maps were not that important for constitution of space as in XX century. Therefore difference between maps as tools and maps as media of topology should be taken into account. Because maps cannot be eliminated from orientation in space, they embody mediality of new media, which determine our meanings and opportunities. Nevertheless, mediality is inseparable from particular media practices. Therefore various art practices offer new opportunities of digital maps and reveal their symbolic dimension.

Keywords: media, mediality, maps, topology, symbol, functionality, representation, art-mapping.

В последнее десятилетие карты местности перестали быть одним из инструментов для ориентации в пространстве. Картографирование приобрело статус медиа, определяющего все возможные передвижения человека. Различие между инструментом и медиа является одним из важнейших пунктов в рефлексии медиа в рамках медиафилософского дискурса. Соответственно, рассмотрение конституирования пространства при помощи карт в современности позволит внести ряд проясняющих моментов в осмысление организации пространства и его медиального статуса.

Отличительным признаком большинства исследований медиа в философии выступает внимание теоретиков к медиальности как таковой. Как для М. Хайдеггера различие между бытием и сущим задавало весь тон его философствования, так и различие между медиа и медиальностью характерно для медиафилософского ракурса: «...у большинства медиафилософов, начиная от Вилема Флюссера и заканчивая Фридрихом Китлером, медиации отводится универсальный статус, а при этом ее собственное место отсутствует» [2]. В этом отношении, для социологов или политологов более адекватно использовать термин медиа в смысле различных форм, средств коммуникации, передачи значения. В отношении медиафилософии речь идет о медиа, прежде всего, понимаемой в смысле медиальности. При этом медиальность – это не средство, но принцип опосредования как таковой. Опосредование предполагает отказ от любых субстанционалистских притязаний и обозначает процесс перехода из одной области в другую. Как такой процесс, медиальность не имеет локуса, точки привязки, но находится в постоянном дрейфе и смещении. Анализ, который направлен на выявление процессов медиальности, выступает всякий раз как своего рода самокритика, проводящая границы наблюдаемости медиальности. Рефлексия смещенных процессов опосредования предполагает особую «практику» негативно настроенного взгляда, который выявляет эффекты опосредования, следы опосредования и заключает, что «событие» опосредования уже сбылось. Поэтому анализ медиальности различных форм медиа, будь то карты, письмо, звук, компьютер или здания, это не некий метод, но скорее «медиафилософия есть философская практика медиа»[4]. Под этим подразумевается, что медиафилософская аналитика всегда будет иметь ввиду обуславливающие ее саму медиа, прежде всего собственный язык. Границы артикуляции дрейфующих процессов медиальности должны всякий раз оставлять следы на негативной терминологии философа.

Медиальность, таким образом, является процессом опосредования смыслов и возможностей. Если в качестве конкретных, эмпирически данных в нашем опыте форм медиа выбрать письмо, то двигаясь по схеме, отчасти восходящей к Аристотелю, мы выстроим цепочку опосредования смысла: письмо есть медиа голоса, письмо опосредует голос, голос опосредует понятие, является медиа для последнего. Если в качестве медиа избрать транспорт или дом, лишенные значения, то можно предположить, что они опосредуют наши возможности ориентации в пространстве, перебрасывают нас из одного места в другое, одновременно изменяя сам локус. Так, дом есть медиа возможностей жизни, здесь нет необходимости выделять смыслы и значения, хотя и таковые могут быть обнаружены. Дом опосредует смыслы близости, дает мне возможность избегать опасности и реализовывать мои собственные планы. Соответственно дом опосредует доступ к локусу, конвертируя его из опасного в безопасное, он дает доступ к самому месту. Во всех перечисленных случаях, мы имеем дело с феноменами, с конкретными формами медиа, но процесс опосредования никогда не может быть схвачен. Мы лишь выявляем его эффективность, как всегда уже нечто состоявшееся. К самому опосредованию нет непосредственного доступа, но есть лишь бесконечный ряд иных медиа, иных опосредований. Проводя различие между медиумом и медиальностью, мы проводим различие между инструментом и условием возможности. Дом, письмо, звук – все эти формы освобождаются от «онтических» значений подручности и инструментальности, приобретая статус необходимых условий возможности. Поэтому в рассмотрении медиальности, с определенными ограничениями, можно говорить о «трансцендентальном медиальном»[2], о котором пишет Д. Мерш в своей статье «мета/диа...». Медиальность переводит разговор с уровня подручных средств к трансцендентальности опосредования, без которого невозможно описание опыта как такового. Вместе с тем, здесь учитывается историческая изменчивость медиа, поэтому трансцендентальное берется в кавычки, и речь скорее идет об историческом априори, как это предлагал М.Фуко.

Исходя из проведенного различия между средством и медиа как медиальностью, мы можем выдвинуть предположение, что современные формы картографирования пространства могут быть рассмотрены не просто как средства, но как медиа в смысле медиальности пространства. При этом, карты не всегда являлись формами медиатизации топологии, поскольку были лишь средствами и инструментами по управлению пространством. Поясним наш тезис описанием той ситуации, в которой мы обнаруживаем карты в нашем повседневном опыте. Едва ли стоит под-

вергать сомнению тот масштаб и функциональность картографии, которая на данный момент невозможна без средств новых медиа. Формат GPS, то есть спутниковой системы навигации, средства GoogleEarth, GoogleMaps практически полностью определяют тот образ карт, с которыми мы имеем дело. «Оцифровка» пространства, однако, должна быть рассмотрена как нечто большее, чем еще одно средство, еще один вид медиа, благодаря которому нам стало легче и удобнее ориентироваться на местности. Точность местности, огромное количество данных относительно просматриваемой территории, с одной стороны, продолжает начатую в XVIII веке детализацию карт с их стремлением к предельной точности разметки. Тем не менее изменение средства передачи изображения местности привело к радикальному изменению функционирования карты в современной культуре.

Прежде чем выявить специфики медиальности современных карт, следует сделать небольшой экскурс и выделить условные «вехи» в истории карт и принципах и функционирования по отношению к пространству человека. Еще в XVI веке «...планы города служили необычайно торжественным целям и предназначались для охвата целостного образа общественного и пространственного единства города» [6; С. 38]. Наиболее показательными в этом отношении выступают карты, составленные Л. да Винчи, который давал не только точное изображение местности благодаря различным изобретениям измерения, но и крайне живописную репрезентацию топоса. Зачастую на картах можно было обнаружить тщательно выписанные ратуши, церкви или соборы, без которых символическа насыщенность пространства была бы утрачена. Подобное внимание к образу города стало исчезать в XVIII веке, заменившим картографическую символику точностью измерений. Об этом свидетельствует упрощение изображения, появление бесцветных карт, которые перешли и в современные карты, отличающиеся схематичностью цветовых полей. Несмотря на то, что художественные и символические элементы карт никогда не исчезали полностью, тем не менее акцент был сделан на наиболее точный расчет масштабов и функциональность. Этому способствовало и развитие «...науки городской статистики...Были предприняты попытки зафиксировать распространения холеры и тифа, бедности и проституции, алкоголизма и криминальных «отклонений»...посредством городского планирования». Таким образом, карта стала носить стратегический характер фиксации городских «болезней» и отклонений, а не воспевать его символический капитал. Рост городов в XX веке привел к необходимости во все более точных измерениях и дальнейшей схематизации изображения.

Тенденция к нивелированию символической значимости картографии и внимание к наиболее точной передаче данных той или иной местности перешла и в цифровое картографирование, которое во многом ориентировано на фотографическую репрезентацию топологии. Частое использование фотографии местности в современных картах и 3D формат ни чуть не возвратили эстетические элементы карт, но внесли свой вклад в детализацию локусов. Однако на этапе тотальной навигации произошла трансформация в отношении между нашим собственным телом, его ориентацией и вспомогательными средствами данной ориентации. Мы полагаем, что карта как инструмент или как символически нагруженный документ сосуществовала с пространством, отражала его, отчасти конституировала территорию, но не определяла столь тотально, как мы это видим на данный момент. В этом плане, картография до новых медиа скорее была инструментом, в то время как навигация при помощи карт стала медиальностью топологии. Что свидетельствует о том, что карты перестали быть инструментом, но стали медиатопологией? Ответ кроется в самих *практиках обращения* с картами, в том, как мы перемещаемся в пространстве и как относимся к нему, когда используем навигацию или Google карты. С электронными версиями карт в форме навигации мы практически не можем занимать отстраненную позицию наблюдателя, сопоставляющего местность, артикулированную символикой карты и «реальную» местность движения. В случае с навигацией, карта задает, опережает мое движение и захватывает полностью мое владение пространством. Наша позиция перепоручается карте, «знающей», не только, где мы находимся, но и куда мне двигаться. При этом, такое опережение ориентации устраняет необходимость давать согласие, делать выбор в пользу того или иного пути. Все маршруты рассчитаны, а воля движущегося субъекта «отключена». Не я сопоставляю карту и дорогу, но карта сопоставляет меня и местность, предлагая наиболее кратчайший и экономный маршрут «доставки» моего тела в заданный пункт. Вместе с подобным завладением моей ситуацией, моей расположенностью в неизвестной для меня местности цифровую карту отличает еще одна существенная черта: фрагментарность. В этом плане, если проследить формы фрагментации, «кластеризации реальности»[5], то цифровые карты дают наиболее показательный пример как такая фундаментальная форма чувственности – пространство приобретает формат кластеризации. Бумажная версия карты, висящая на стене, располагающаяся на столе или же глобус предлагали максимальный обзор местности. Подобный обзор предполагал позицию субъекта, созерцающего территорию и охватывающего ее всю и целиком. Перепоручение нашей позиции карте, отказ

от метапозиции взгляда, владеющего территорией, осуществляется при условии невозможности сочетать целую территорию и ее отдельные части в одно время. Не мы отдаляем взгляд от карты, чтобы увидеть целое и не мы приближаем его, чтобы разобраться в соотношении деталей, но наш взгляд направляется при помощи навигации. Целое и части рассыпаются на несвязанные друг с другом реальности, заставляя нас соглашаться на направление стрелки, указывающей путь. Непредсказуемость целого, вызываемая фрагментаризацией топологии компенсируется тем, что карте как медиа лучше известна данная территория и мы чаще всего «доверяем» ей свое тело и его возможности. Используя сочетание М. Понти, можем говорить, что карта моего «могу» не принадлежит мне, возможности ориентации принадлежат навигатору. Подобная перестановка властных полномочий приводит к тому, что становится недостаточным утверждать инструментальность карты. В том же отношении недостаточным, на наш взгляд, будет выстраивание некой смены парадигм такого медиа как карта, поскольку в еще в XVIII веке невозможно было помыслить, чтобы мое собственное движение как нечто неотчуждаемое может быть поглощено рассыпанной на осколки топологией, но которая тем не менее будет казаться мне более точной, надежной и даже необходимой.

Рассмотрение функционирования медиальной картографии в противовес картографии инструментальной должно быть дополнено рядом пояснений, которые необходимы и для понимания медиальности как таковой. Тотальность карт в современной культуре свидетельствует об общей настроенности на вытеснение чуждости пространства. Медиальность картографии обеспечивает такой феномен, который был обозначен В. Подорогой как «невроз представления». «Невроз представления есть ужас, который человека охватывает перед неживленным, неживым пространством»[3]. Контроль, все большая детализация местности, сопровождаемая дополнительными описаниями, данными опосредует движение и вытесняет всякую возможность встречи иного. Тем более, при рассмотрении любой формы карты, мы должны не забывать, что они причастны к «...идеологическому комплексу, к власти»[9; С. 90], которая проводит границы между дозволенной местностью и теми локусами, которые «опасны» или же их по определенным политическим соображениям не следует посещать. Так, инаковость, чуждость, непредсказуемость поглощается в медиа и ослабляет насыщенность пространства инородными, неопознаваемыми локусами.

В такой ситуации, однако, встает вопрос о возможности трансформации, изменения самих медиа и вопрос о том, насколько, в действительности правомерно говорить о медиа как условиях возможности нашего

опыта. В этом пункте, нельзя не согласиться с тезисом Д. Мерша, что при условии «...возможности медиальной конституции...нельзя считать верным представление, что восприятие и значимость существуют только потому, что есть медиа» [2; С. 217]. Говорить о некоторой амедиальности для медиафилософской рефлексии невозможно, однако, это не означает, что медиа с необходимостью приводят и полностью определяют смыслы. Поэтому, возможно, медиальность следует понимать не как условие возможности, но условие для возможностей. В случае с картами, навигация не только ставит границы, вытесняет иное, захватывает мою позицию и отчуждает мои топологические возможности по направлению к кластерной раздробленности, но и предлагает иначе обходиться с необходимыми условиями моей медиальной топологии. Данное обстоятельство в особенности применимо ко все возможным арт-практикам современности, в которых «...художник заселяет обстоятельства, предоставленные настоящим...» [1; С.15]. Переформулируя высказывание Н. Буррио, можно сказать, что художник может заселять медиа и карты не является исключением.

Интерес художников к картографии позволяет наделить современные цифровые карты прежним статусом символичности и говорить о символической картографии. В качестве примеров такой арт-картографии мы можем привести проекты YellowArrows К. Аллена, М. Каунта; проект AroundGroundZero Лауры Курган и проект Iseevs.911 Института прикладной автономии.

Смысл первого проекта YellowArrows заключается в создании своего рода «карты памяти»: каждый, кто передвигается по городу, может получить от создателей проекта желтую стрелку с кодом, а затем приклеить ее на запомнившееся место. Подобные запоминающиеся места на обычных картах чаще всего представлены как нейтральные, ничем не выделяющиеся территории. «Оживить» любой переулок, набережную или просто стену позволяет приклеивание стрелок: приклеив знак на определенное место, человек посылает сообщение-историю о значимости данного локуса. Каждый, кто будет когда-либо проходить мимо и заинтересуется отмеченным местом, может послать код стрелки и получить конкретную историю от автора, «создавшего» данный топос при помощи своей истории. Вместе с тем, создатели проекта подчеркивают: «GoogleMaps, Fkickr, Layar – многие из этих коммерческих приложений – позволяют пользователям отмечать места при помощи образов, комментариев, историй, но эти истории остаются в виртуальной сфере и таким образом имеют ограниченную роль в формировании городского опыта. Они могут помочь нам в получении информации о городе...но они мало влияют на

«психогеографию» города». Данный вид арт-карты отчасти коррелирует с художественными картами Ренессанса, когда каждая отдельная часть города была ценностью и несла какой-то смысл для целого. Теперь места не избегаются – на них стоит остановить взгляд, дать месту «быть», вступить в контакт с так сказать «создавшим» это место автором, вступить в диалог. Но, что самое важное – отдать отчет о «здесь и сейчас», о значимости топоса, его нетождественности. Древняя потребность в высказывании надписи «я здесь был» находит собственное выражение в мире безместной дигитальности. Безразличность мест, которые нам предлагают карты гугл трансформируется в символическую топологию.

Второй проект, который следует упомянуть в связи с продуктивными возможностями медиальной картографии – это карты AroundGroundZero Лауры Курган. Л. Курган создала особую карту, отразившую локус Нью-Йорка после разрушения башен-близнецов. Помимо обычных объектов – домов и улиц, на плоскость карты нанесены ограждения; краны; грузовики, полуразрушенные части близлежащих зданий. Карта тем самым вновь становится «картой памяти», запечатлевающей в собственном медиуме становление пустого места. Не просто здания, но избытие приспособлений, предназначенных для устранения образовавшейся пустоты находят место на плоскости карты, тематизирующей невосполнимую утрату локуса. Карта перестает быть лишь средством ориентации меня в пространстве, но «служит одновременно как в качестве практического руководства к территории, так и мемориального документа. Как такая, она датируется и обновляется вместе с изменениями, которые она фиксирует. Это временная карта» [7; С. 97].

Последний проект, который мы бы хотели привести в качестве показательного примера по трансформации функциональности карты как особого медиа на уровень символического арт-объекта, это карты Iseevs. 911. Различные художники Института прикладной автономии разработали специальный софт для навигации по тем местам Нью-Йорка, где бы не было камер слежения. Изобилие камер, которые устанавливаются в связи с избытием террористических актов и служат для обеспечения безопасности, приводит к тому, что передвигаться по городу незамеченным оказывается практически невозможным. Жителя города лишают не столько права голоса, сколько права передвижения, которое могло бы оставаться свободным от слежения. Человек не может оставить и следа без слежки со стороны неусыпного взора видеокамер. Навигация карт проекта Iseevs. 911 выстраивает именно такой путь, в котором ваше телодвижение не будет зафиксировано не на одной из камер. В отличие от предыдущих примеров здесь речь идет скорее о карте как форме сопротивления, критики и как о способе по переприсвоению пространства: «как интернет,

так и упомянутый софт для навигации позволяют таким образом избежать другого медиа, а именно видеоконтроля публичного пространства» [8; С.188].

Представленные здесь проекты позволяют раскрыть не только специфику карт как особых форм медиа, но и свойства медиальности как таковой. Медиальность перестает быть исключительно ограничивающим фактором для смыслов и действия, а вездесущность медиации не исключает различных стратегий трансформации определенных медиа. В этом отношении, следует говорить не только о том, что медиа представляет собой условие возможности, но и о том, что медиа предлагает условие для возможностей. Карты, таким образом, определяют наши перемещения и видение пространства, в котором мы живем. Тем не менее, они не существуют без тех практик заселения медиа, практик их изменения и наделения их символическим измерением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буррио Н. Реляционная эстетика / Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс. 216 с.
2. Мерш Д. Мета/Диа. Два различных подхода к медиальному// Антология медиафилософии/ Под ред. Савчука В. В. СПб: Издательство РХГА, 2013. С. 204-219.
3. Подорога В. Пространство и философия// Архитектура и социальный мир/Под ред. И. А. Добрицына. М. Прогресс-Традиция, 2012. С. 115-120.
4. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
5. Соколов Б. Г. Кластеризация реальности и «арктическая истерия»// StudiaCulturae. СПб., 2013, № 15. С. 35-43.
6. Cosgrove D. Karto-City. Kartografie und Stadtraum// Moentmann N (Hrsg.). Mapping a city. Galerie fuer Landschaftskunst, Ostfildern-Ruit: HatjeCantz 2004, S. 32-47.
7. Kurgan L. Around Ground Zero// Grey Room. Massachusetts. 2002, Vol. 7. p. 96-101.
8. Rösler S. Medium. Map. Mobility// Köster I., Schubert K. (Hrsg.) Medien in Raum und Zeit: Maßverhältnisse des Medialen. S. 175-191.
9. Schlögel K. ImRaumelesen wirdieZeit. UeberZivilisationsgeschichte und Geopolitik. Fischer Taschenbuch Verlag. 2006.

TRANSLIT

1. Burrio N. Relyatsionnayaestetika / Postproduksiya. M. : Ad Marginem Press. 216 с.
2. Mersh D. Meta / Dia. Dvarazlichnykhpodkhoda k medial'nomu // Antologiyamediafilosofii/ Pod red. Savchuka V. V. S. Spb: Izdatel'stvo RKHGA, 2013. S. 204-219.
3. Podoroga V. Prostranstvoifilosofiya // Arkhitekturaisotsial'nyymir / Pod red. I. A. Dobritsina. M. Progress-Traditsiya, 2012. S. 115-120.
4. Savchuk V. V. Mediafilosofiya. Pristupreal'nosti. Spb. : Izdatel'stvo RKHGA, 2013. 350 с.
5. Sokolov B. G. Klasterizatsiyareal'nostii «arkticheskayaisteriya» // StudiaCulturae. SPb., 2013, № 15. S. 35-43.
6. Kosgrouv D. Karto-Siti. Kartografie und Stadtraum // Moentmann N (Hrsg.). Otobrazheniyegoroda. Galerie fuer Landschaftskunst, Ostfildern-Ruit: HatjeCantz 2004, S. 32-47.
7. Kurgan L. Around Ground Zero // Seraya komnata. Massachusets. 2002, Vol. 7. str. 96-101.

8. Rösler S. Medium. Map. Mobility.// Kester I., Shubert K. (Hrsg.) Medien in Raum und Zeit: Maßverhältnisse des Medialen. S. 175-191.
9. Schlögel K. ImRaumlesen wir die Zeit. Ueber Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. Fischer Taschenbuch Verlag 2006